

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Институт общественных наук
Кафедра гуманитарных дисциплин

Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в традиционной и в городской культурах

2020–2022

Методы и результаты

Елена (Югай) Левочская, Сергей Левочский, Анастасия Морозова

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-00318а «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в традиционной и в городской культурах»)

Москва

2023

Вступление

Как горожане и жители сельской местности читают и слушают стихи? Насколько современные подходы к чтению отличаются от традиционных практик воспроизведения поэтических текстов? В чём смысл литературных собраний для отдельного участника и для группы в целом? Поиском ответов на эти вопросы занимался коллектив преподавателей и студентов РАНХиГС. Вместе с приглашенными исследователями они провели ряд наблюдений за поэтическими мероприятиями, записали интервью с авторами и читателями, зафиксировали поэтическую реакцию на повседневность и на актуальные экстраординарные события в социальных сетях.

Илл. 1. Участники экспедиции и их собеседники

Объект исследования. У поэтического текста много измерений: можно обращать внимание на непосредственное воздействие при чтении, на совокупность формальных приемов или культурно-историческое окружение. Например, в филологических исследованиях практики, связанные с поэзией, привлекаются в качестве контекста, но не становятся центральным объектом рассмотрения. С точки зрения антропологии, литература — это совокупность текстов и сопровождающей их социальной реальности, находящей отражение как в практиках, так и в нарративах о текстах. При этом эстетические критерии отходят на второй план. Р. Дарнтон работал с материалами судебного дела, чтобы восстановить распространение стихотворных куплетов и их коммуникативную природу [Дарнтон 2016]. В исследовании Т. Венедиктовой «Литература как опыт, или “Буржуазный читатель” как культурный герой» анализируются не только сами тексты, но и практики, а также сопровождающие их слухи и страхи [Венедиктова 2018]. В рамках дискуссии в журнале НЛО «Антропологический поворот в российских гуманитарных науках» участники при упоминании «конечного (идеального) объекта гуманитаристики в пределах антропологического поворота» определяют его как «человека в его социально ориентированной знаковой деятельности» [Поселягин 2012]. Мы брали интервью у поэтов и музыкантов, у читателей и зрителей, в жизни кого-то из них поэзия занимает центральное место, а кто-то сталкивается с ней редко и опосредовано, границы понятия «поэзия» также разнятся, но у всех есть личные отношения с поэтическими текстами, прочитанными, услышанными, положенными на музыку... Можно сказать, что нас в первую очередь интересовали не сами стихи, а люди, их пишущие или воспринимающие.

Методология

Стихи читают в школе и университете, рифмованные тексты появляются в рекламе и на политических плакатах. Но, кроме того, есть спонтанные воспоминания поэтических текстов в повседневности и есть публичные чтения вслух и концерты, зрители которых имеют устоявшиеся привычки и ритуалы. У этих практик сложная прагматика, не сводимая ни к чистому «незаинтересованному» эстетическому удовольствию, ни к профессиональной деятельности или утилитарному применению текста. «Зачем у нас существует такой коммуникативный медиум, как литература, и почему мы постоянно его обновляем, — задается вопросом Вольфганг Изер, представитель рецептивной эстетики. — Мы могли бы добиться ответа путем изучения антропологических “применений” текстов» [Изер 2008].

Вопрос восприятия поэзии активно обсуждался в конце XX века в рамках рецептивной эстетики. Н. Холланд в статье 1976 года показывает, что текст и его прочтения работают как тема и вариации. В естественных условиях читатель одновременно познает и текст, и самого себя. Происходят «две на первый взгляд противоречивые вещи»: с одной стороны, поиск объективной интерпретации, для чего привлекаются знания об авторе и об истории литературы, а с другой — субъективный путь через актуализацию собственного жизненного опыта и индивидуальных человеческих черт [Holland 1976, p.231]. Такую работу с текстом мы называем присвоением.

Для описания современных практик, связанных с поэзией, мы использовали термины Мишеля Серто «стратегии» и «тактики» [Серто 2013]. М. Серто сравнивает чтение с браконьерством на чужом поле, когда стратегии автора создают пространство для тактик читателя. Различение стратегий и тактик — ключевое для анализа повседневности. Первые предполагают выстраивание действий в соответствии со своими целями и ресурсами, а вторые — вписываются в чужое пространство и присваивают чужие ресурсы, приспособляя их к своей жизни. Автор только задает условия для пользования текстом, каждое прочтение которого индивидуально и определяется социальными и личными особенностями читателя.

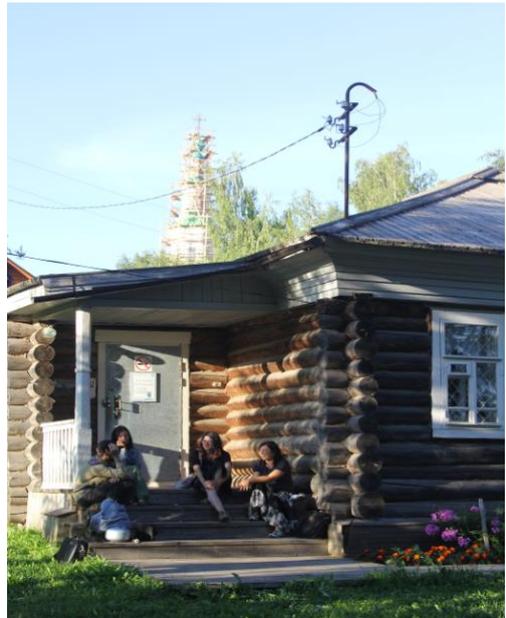

Илл. 2-3. Исполнители и зрители на рок-концерте

Практики вписаны в пространство и обусловлены социальным взаимодействием. Для анализа последнего мы обращались к терминологии Ирвинга Гофмана (роли, сцена, команды, циничное и искреннее исполнение и др.) и его теории социальной драматургии [Гофман 2000].

В исследовании использованы методы полевой работы: 1) включённое наблюдение поэтических мероприятий с написанием полевого дневника, фото и видеофиксацией и 2) глубинные интервью с поэтами и читателями. На этом материале выполнялось насыщенное описание событий и интерпретация практик.

Интервью. Работа с биографическими интервью можно разделить на несколько типов. При «жизнеориентированном подходе» (life-focused) нарратив воспринимается как окно в объективные внешние факты или в психику человека. При текстоориентированном (story-focused) только текст с присущими ему структурами и жанрами имеет реальность и доступен для анализа. При процессуальном подходе рассказ о себе воспринимается как конструирование себя, в частности своих социальных отношений и идентичности, а интервью воспринимается как продукт социального взаимодействия между интервьюером и информантом («новая этнография»). В последнем случае интервью служит «окном – хотя и неидеально прозрачным – на исторический период, культурные практики и психические события» [Reacock and Holland 1993, p. 374]. Стоит понимать, что собеседник не остается неизменным во время исследования. Сам диалог (разновидностью которого является интервью) выступает как речевой жанр, во многом определяющий специфику рассказанного.

Итак, интервью соотносится с реальностью весьма условно: в рассказе от первого лица образ себя конструируется, осознанно или нет, в соответствии с

представлениями рассказчика о должном, одобряемом и ожидаемом. Однако это становится самостоятельной ценностью, когда мы пытаемся вычленить представления о писательской профессии. Фольклористический подход к анализу интервью предполагает поиск текстологических параллелей, выделение речевых жанров, формул и других клише (см.: «Устные рассказы об

эзоповом языке в литературно-художественной среде: фольклорно-антропологический подход» [Югай 2020]).

Илл. 4-5. Запись интервью и пополнение архива проекта

Включенное наблюдение. В эссе «Насыщенное описание» Клифорд Гирц пишет: «Заниматься этнографией – это все равно, что пытаться читать манускрипт, — на чужом языке, выцветший, полный пропусков, несоответствий, подозрительных исправлений и тенденциозных комментариев, но написанный не общепринятым графическим способом передачи звука, а средствами отдельных примеров упорядоченного поведения» [Гирц 2004]. В насыщенном описании можно выделить фиксацию примеров упорядоченного поведения и их интерпретацию.

Дискуссии по поводу ведения полевых дневников [см. например Форум 2018] во многом фокусируются на разделении этих двух уровней: попытки исследователя максимально отстраненно зафиксировать происходящее и его собственный ассоциации, исследовательский и человеческий опыт. Нам представляется невозможным и ненужным полностью исключить исследователя из наблюдения, но для удобства работы с дневниками внутри группы мы старались по возможности разделить видимое и собственные мысли и чувства. В результате выработался следующий шаблон написания полевого дневника.

Таблица 1. Шаблон полевого дневника

Описание			Интерпретация
Паспорт мероприятия	Ход события. Хронометраж, программа, взаимодействия участников	Организация пространства. Освоение пространства, деление на сцену и зал, заданное помещением или спонтанное, расположение в течение вечера, можно приложить рисунок-карту	Мнения, оценки, замечания, заключения наблюдателя, личные впечатления
Наблюдатель (ли)			
Тип события (семинар, костер, поэтический вечер), план:			
Фото-видео-аудио и пр. доступный материал			
Время (официальное и фактическое время начала и окончания)			
Место (место действия)			
Организатор (ы)			
Кто (состав действующих лиц)			
Темы:			

Этапы написания дневника

- 1) Заметки во время мероприятия в блокнот или телефон. Фиксируются пометки для себя, слова и выражения, формулировки которых хочется сохранить, хронометраж, возможно — наброски схемы зала, пространственного расположения участников.
- 2) Написание текста дневника по заметкам. Это делается вечером того же дня или на следующий день. Важно восстановить последовательность событий, раскрыть свои пометки, заполнить обязательные графы (см. Шаблон полевого дневника)
- 3) Редактирование для чтения. Оно занимает от пары часов до пары дней после этапа 2. Предполагает прочтение чужими глазами. Важно прописать всё, что может быть непонятно тому, кто не был на событии, а также дать какие-то комментарии. Допустимо делать это и позже, но нужно помечать «добавлено позже» и ставить дату.
- 4) Разметка готовых дневников по темам (темы соотносятся с текущими исследованиями).

Илл. 6-7. Полевые записи участниц экспедиции¹

При наблюдении особое внимание уделялось способам подачи поэтического текста и взаимодействию поэта и зрителей, пространственной организации мероприятия, телесной вовлеченности участников. Для разных типов мероприятий продуктивно создавать гайды для наблюдения с указанием, на что следует обратить внимание. Такие гайды создаются с учетом предположительных тем будущих научных работ, и все-таки они оставляют достаточно свободы для фиксации происходящего.

Антропологические методы открывают дорогу к пониманию множественных форм функционирования поэзии в обществе.

¹ В оформлении издания использованы фотографии из архива проекта и рисунок А. Куприяновой

Результаты

Аналитические результаты раскрывают три основные темы:

- конструирование роли поэта,
- антропология поэтических собраний
- читательских тактик, в частности, чтении поэзии в ситуации неопределённости.

Роль поэта. Выборка для этой части исследования формировалась с учетом институций, долгое время обучающих литературному мастерству (Литературный институт им. Горького и др.), поэтому сказанное ниже актуально в первую очередь для поэтического сообщества. Подробнее о литературных семинарах см.: «Поэтические семинары и границы профессии, которой нет» [Югай 2021]. Нашими собеседниками стали авторы разного возраста, в частности, связанные отношениями ученичества. Представления внутри разных групп оказались похожими, но заметна поколенческая разница. Биографические нарративы и высеченные в них поведенческие шаблоны позволили выделить две модели, характерные для поэтических сообществ 1990–2010-х годов: *холистическую* и *редукционистскую* (см.: «Мудрец в поэзии и дурында в жизни»: самопрезентация современного поэта в повседневности» [Югай, Богатырева 2021]).

В рамках *холистической* модели поэт исключен из общества, это не профессия, а сущностная характеристика. Обществу необходимы не столько тексты, сколько свежий взгляд на него самого, поэтому поэт, находящийся в этой модели, в первую очередь пишет свою жизнь. Подобно ритуальному специалисту в деревенском сообществе или эпическому сказителю, поэт выполняет роль медиатора между социумом и вечными ценностями. Эта идея была эксплицирована в эпоху романтизма и актуальна в российской действительности XX века. Сейчас она реализуется, например, в представлениях о цене, которую поэт платит за написание удачного текста (в качестве такой цены может выступать, например, болезнь), и о взаимовлиянии стихов и жизни. На уровне практик такая противопоставленность выражается через асоциальность. Похожую идею выделяет Г. Беккер на основании его интервью с джазовыми музыкантами: творец не может быть хорошим семьянином, делать карьеру, устанавливать нормальные социальные связи (реализуя все это, музыкант перестает быть таковым и становится обывателем) [Беккер 2018]. Популярный в советское время образ писателя-дворника может отражать и стремление к опрощению, и отказ от социальных благ. В этой модели есть представление, что поэт в профанном мире беспомощен и нуждается в покровительстве, обратной стороной которого становится право читателей на определение того, что такое поэт и поэзия, и требование соответствия стереотипам. Результатом этих представлений внутри поэтической среды становятся тактики избегания читателя и тактики освоения, при которых способности читателя к пониманию и вынесению суждения (к оценке) ставятся под сомнение.

В рамках более актуальной для авторов, родившихся после перестройки, *редукционистской* модели поэт не отделен от общества, поэтому и конфликта с читателями нет: они могут понимать или не понимать, так же как быть по-человечески симпатичны или нет, но речь не идет о глобальном взаимодействии

поэта с обществом. Тактика принятия читателя предполагает равные права и равные обязательства участников взаимодействия (читателю современной поэзии необходимо самому прилагать усилия к ее освоению, если он делает выбор в сторону контакта). Жизнь может выступать как материал для письма, она подсказывает какие-то образы и темы, но сама не становится произведением. Редукционистская модель не регламентирует поведенческую сферу и область бытовых привычек. Представление о наличии правильной литературной биографии как наборе жизненных неудач, через которые впоследствии могли бы читаться тексты поэта, уходит. Для поэтов сообщества именно редукционистская модель продуктивна, тогда как холистическая, центральная для конца XX-начала XXI веков, сейчас скорее наследие прошлого.

Читатель и присвоение. Если посмотреть на повседневные рецептивные практики, то мы увидим, что в некоторых случаях читатель сознательно не пытается понять, что заложено в тексте, а обживает его, как пустое пространство: «многие тексты можно прочитать с точки зрения своих мыслей, на данный момент»². Это качество поэзии используется при практике гадания по стихотворным строкам³. Присвоение может выражаться как просто в приурочивании воспоминания к ситуации, так и в небольших изменениях текста при воспроизведении.

... я вспоминал это стихотворение всякий раз, когда какого-либо из своих сыновей на санках тащу, понимаешь, и представляю мир его глазами: «А я вверяюсь их заботе, / Мне холодно, я спать хочу, / Подбросило на повороте / Навстречу звёздному лучу... <...>. Но вот это вот: «чужие люди верно знают, куда везут они меня» – да? – очень много всего в этой строчке, в этих двух строчках <...>. Тут сразу этап какой-то представляешь, и конвой, да? И... И в то же время вот эту ситуацию, когда ребёнок, ещё не приспособленный к жизни и беспомощный, укутанный родителями, сидит на санках, например, да – и его везут. Вот. Ну и там сразу, просится перетекстовка: «родные люди верно знают, куда»⁴.

В статье о том, как деревенские плакальщицы импровизируют причитание, показаны способы адаптации традиционных поэтических формул к конкретному случаю. В том числе, там были примеры актуализации: «Вспоминая один из своих причётов, где умершего просят проститься «Со своёй да новой горенкой, / Со своим да малым детушкам», исполнительница объясняет отступление от формулы: «“Милым” детушкам. Уж не “малые”, а “милые” – большие были, как батьку провожала я» [Югай 2018]. Подобное обращение с текстом свойственно и читателям поэзии. В отличие от фольклора, в литературе всегда остается «верный» текст, на целостность которого такие тактики не влияют, но если посмотреть на стихи как на совокупность воспроизведений – вслух и про себя – то мы увидим, что читатель выступает соавтором и посредником между текстом и ситуацией.

На основе полевых наблюдений, собранных в Вологодской области, нам удалось показать указанный принцип присвоения на примере творчества Николая Рубцова.

² Инф.10, жен., 1977 г.р., переписка

³ Полевой дневник от 22.01.2020.

⁴ Инф. 9, муж., 1972 г.р., поэт

Принципы присвоения поэтического текста возможно выстроить на основе предложенной Б.В. Дубиным концепции легитимации автора, предполагающей выделение таких моделей читательских тактики как «поэт-классик», «поэт-звезда», «модное имя» и «культовая фигура» [Дубин 2011], а также на основе трех типов актуализации поэтического текста (житейской, метафизической и топографической). Интерпретация поэтических текстов связана с принципом присвоения. Любая трактовка стихов предполагает установления определенного отношения читателя к тексту, а через текст – и к автору. Актуализация этого отношения может зависеть от наличия определенного читательского опыта («житейская» трактовка), от переживания особого (эксклюзивного) возвышающего над «обыденным миром» состояния («метафизическая» трактовка), или от осознания значимости конкретного места (топоса), его связи с текстом («топографическая» трактовка) [Левочкин, Левочская (Югай), Куприянова 2022].

В фигуре Н. Рубцова соединились две модели легитимации: «поэт–классик» и «поэт-звезда». Согласно первой модели, присвоение поэтического текста осуществляется через установленный канон чтения стихов, негласные правила чтения текстов «великого земляка» в определенных ситуациях (школьные чтения стихов, чтения на официальных праздниках, музеях, у памятника поэту). Стихи Рубцова как «поэт-классика», строго говоря, не рассматриваются в аспекте его поэтики, но используются в качестве инструмента воспроизведения канона «правильной» жизни и «правильного» отношения к Родине, Природе, Женщине. Однако с моделью «поэта-классика» органично сосуществует во многом противоположная модель «поэта-звезды». Согласно этой модели, поэт воспроизводит для читателя не канонический, а, напротив, маргинальный образ жизни: разрыв с обществом и властью, отрицание семейных ценностей, вызов общественным устоям. В отличие от модели «поэт-классик», которую санкционирует и поддерживает государство, модель «поэт-звезда», поддерживаемая массовой культурой, акцентирует внимание читателя на поэтике автора, смысле его стихов, указание в этих стихах на жизненный опыт, а также на кажущуюся уникальность субъективного переживания определенных событий в жизни.

Илл. 8. Рукописная тетрадь по стихами

Илл. 9. Щит со стихами Рубцова около дома, где жил поэт

Чтение поэзии в ситуации неопределённости. Одна из ключевых функций поэзии – снятие тревоги и создание точки опоры в ситуациях, когда привычные алгоритмы перестают работать. Например, когда в личной или общественной жизни человека происходит нечто, с чем он сталкивается впервые и что разрушает целостность его картины мира. Такие моменты можно обобщить названием «ситуация неопределенности». Поэзия может работать как через обострение и экстренное познание проблемы, так и через эскапизм или поиск параллелей в прошлом опыте человека и человечества.

Некоторые ситуации и функции чтения стихов (себе):

- заполнить “пустое” время: нахождение наедине с собой в дороге, на прогулке, во время бессонницы: *<А чтение себе, про себя?> Постоянно. Особенно в конце школы, старшеклассником обычно много этого было. Обычно, то есть еду в поезде, выхожу в тамбур подальше и сам себе читаю стихи. Боюсь даже если вслух немножко, но, надеюсь, никто не слышал. Именно что губами, голосом. Когда в голове прокручивается – это не совсем «читаю себе»⁵.*

- создать альтернативное (личное) пространство: *...Это год в армии. Когда-то само собой появилось, появился навык... просыпаться за несколько минут самому, за две-три-четыре минуты до этого. Как раз успевал прочитать Есенина там «У пруда нарядная крапива / Нарядилась ярким перламутром» и «качаясь» что-то там «шепчет шаловливо “С добрым утром!”». Через секунду кричит «Подъем» дневальный, и я чуть-чуть в хорошем настроении встаю⁶.*

- борьба с тревогой *... мы сами с мужем однажды целую ночь сидели в пещере, в которой было довольно неприятно, и читали вслух стихи друг другу, а ещё песни пели или просто тексты песен читали, как стихи. Всю ночь. Чтобы не спать, с одной стороны, с другой – чтобы успокоиться⁷.*

- выбор эмоциональной матрицы *Причем они не обязательно счастливые, они трагические могут быть. <...> Это поддержка очень большая, которая меня вывела. А до этого отношения налаживались, непонятно – будут или не будут эти отношения. <...> Там такие замечательные строки «Но связь меж нами есть, хоть провода, как нити, оборвите...». Там это высказано, понимаешь. И чувствую, что нет, оно есть, всё равно какая-то вибрация происходит⁸.*

Поэтический текст помогает определить ситуацию, которая сложно переживается, найти для нее подходящие аналогии, модель чувствования и поведения. В книге «Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века» А. Зорин цитирует К. Гирца: «не имея публичных образцов чувствования, человек не может не только выразить, но и испытать многие эмоции» [Зорин 2016]. В примере с расставанием человек обращается к тексту-реакции на потерю любимой женщины, и это помогает последнему справиться с собственным чувством растерянности и болезненного состояния неопределенности.

⁵ Инф. 1., муж., 1969 г.р., преподаватель

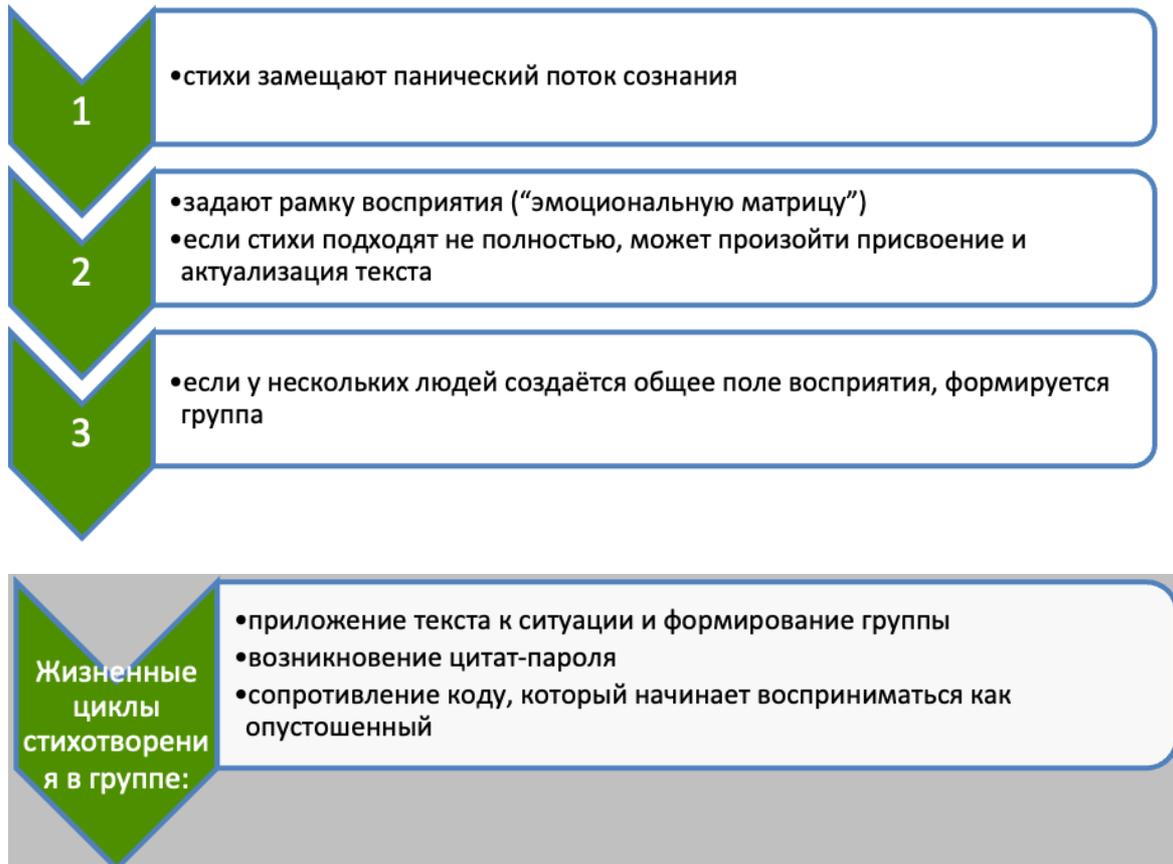
⁶ Инф. 1., муж., 1969 г.р., преподаватель

⁷ Инф. 8, жен., 1982 г.р., прозаик, переписка

⁸ Инф.3, муж., 1964 г.р., поэт, критик

Вспоминающий стихи не просто воспроизводит чужой текст – он делает его отчасти своим. Часто вспоминание стихов провоцируется окружающей действительностью. Иногда это формальные поводы (совпадение «декораций»), иногда потребность сделать ситуацию особенной, иногда, напротив, потребность ее разрушить и переоформить. В ситуациях, опознаваемых как определенно нежелательные (от скуки до паники) выбор падает на тексты привычные, а потому успокаивающие и переносящие в другую реальность. В новых и непонятных обстоятельствах на тексты, позволяющие глубже понять происходящее, как-то его концептуализировать. Таким образом, стихи уводят от автоматизма восприятия.

Схема 1. Возможные механизмы работы с тревогой

Как и носитель традиционной деревенской культуры, современный горожанин имеет потребность в совместном, коллективном переживании при помощи произнесения стихотворного текста, чтобы разделить и понимание тревожной ситуации, и спасительную модель поведения в ней. И здесь возникает парадокс, присущий и ритуалам. Изначально, стихи деавтоматизируют восприятие, но при многократном воспроизведении форма может сама становиться мемом: застывать, упрощаться, накапливать смыслы и использоваться для быстрой передачи нового содержания. Тогда восприятие стихотворных текстов и ситуации через них может, напротив, становиться автоматизированным. Именно поэтому для понижения чувствительности к настоящему моменту используется знакомые песни, «классика» или какой-то другой набор «проверенных» текстов. Но на этом этапе могут возникать и тактики сопротивления такому автоматизму.

Описанные механизмы работают как *наедине с собой*, так и *в группе*. В *цифровом поле* масштаб группы увеличивается. Текст может вспомниться в трудную минуту,

может быть прочитан близким в особенный и личный момент, может – при стечении обстоятельств – обрести хождение в более широкой аудитории. Иногда такие круги расходятся и резонируют, как случилось со стихами Бродского накануне карантина.

Корпусный анализ. В рамках проекта выполнено корпусное исследование распространения поэзии в соцсетях в начале пандемии. А. Архипова в статьях про инфодемию весны 2020 года [например, Архипова 2020] высказала и аргументировала предположение, что распространение слухов и фейков выполняет социальные функции, подобно груммингу (выкусыванию вшей) у обезьян. «Социальный грумминг», распространение новостей в сети во время пандемии, помогает не только обрести уверенность, но и избежать социальной атомизации в условиях общественного напряжения. Совпадение тем слухов и поэзии, распространяемой в сети, а также коммуникативная природа последней (совет, рекомендация, призыв, рассказ о происшествии, благопожелание) позволяет предположить, что поэзия также выполняет роль «социального клея» и, поскольку общество сегментировано, для каждого сегмента существует свой набор текстов и требований к ним. Дополнительным сходством выступает одновременный всплеск распространения и слухов, и поэзии (ср. важность и того и другого в годы репрессий).

Одна из функций поэзии (и литературы в целом) – выработка образца для правильного чувствования, эмоциональной матрицы. Самые распространяемые поэтические тексты из классики весной 2020 года – Монолог Председателя из «Пира во время чумы» Пушкина и «Не выходи из комнаты» Бродского предлагали две противоположные модели для восприятия ситуации: ковид-диссидентство и социальную ответственность (последнее победило и как текст, и как социально одобряемая модель поведения), причём и то, и другое, конечно, вкладывалось при актуализированном чтении, не влияя на исходные смыслы произведений. Эти и другие стихи вспоминались индивидуально и коллективно (зафиксировано в интервью и полевых дневниках по проекту), и слова, которые казались читателям подходящими, помогали побороть собственную тревогу и неуверенность в состоянии неопределённости, и, возможно, выработать тактики приспособления к новой ситуации, эмоционального и поведенческого.

Среди новых стихов на актуальную тему сначала преобладают юмористические тексты, в том числе, игры на поиск рифмы (коронавирус, панголины и др.). Подобные игры встречаются и офлайн и служат тренировкой, отличаемой от «серьёзной» лирики. Вместе с тем, можно сказать, что такое осваивание новых слов и смыслов – процесс важный в информационном поле, поскольку позволяет исследовать контексты употребления и вводить новые слова в повседневный язык (Ср. научение иностранному языку). Ближе к концу периода процент неюмористических текстов увеличивается.

В корпусе выделились популярные рифмы (коронавирус / вырос / папирус / минус, маски / ласки и др.), причём они встречаются в разных сегментах. Среди мотивов в нашем корпусе частотен «весна наступает несмотря ни на что», а среди рифм встречается «весна / война». Образ весны, на фоне которой происходит чудовищная катастрофа, объединяет корпус наивной поэзии памяти аварии на Чернобыльской АЭС (см.: «Помануть стихами: коммеморативная наивная поэзия» [Югай 2016]). Предварительные наблюдения показывают, что в работе с определёнными словами и темами поэзия – разных стилей и сегментов – тяготеет к формульности.

Антропология поэтических собраний. На пересечении читательских и авторских практик существуют практики публичного чтения стихов. Литературная жизнь Москвы 2010-х – начала 2020-х состояла из почти ежевечерних поэтических чтений, в других городах России такие практики тоже существовали, хотя и на менее регулярной основе. Сами чтения при относительном постоянстве публики и участников были разными и по типу организации, и по площадке, и по целям участников, и неформальным правилам поведения. Мы предлагаем классификацию событий с опорой на социальную драматургию И. Гофмана, а также сделанные на основании этой классификации выводы относительно сущности события и легитимации литературного авторитета в нём. По результатам включённого наблюдения на поэтических вечерах в Москве и других городах России (всего около 80 полевых дневников), нам удалось выделить несколько типов поэтических вечеров.

Для описания и интерпретации этих типов взаимодействия мы ввели понятие **событие**. Событие обладает атрибутами спонтанности, эксклюзивности и коллективности (неформальной процедуры выстраивания общих форм субъектности участников события). Анализ наблюдений показал, что событийность разных типов вечеров выстраивается по-разному и важность атрибутов тоже будет различной.

Ниже представлены типы поэтических вечеров. Оговоримся, что речь идёт именно о событиях, попавших в поле зрения группы, и что это не жёсткая классификация, а поле, где признаки могут быть выражены в большей или меньшей степени.

Таблица 2. Типы поэтических вечеров

	Субъектность читателя -	Субъектность читателя +
<p>Вечера жесткой структуры</p> <ul style="list-style-type: none"> - чёткое разделение на команды (поэт, распорядитель, зрители) - распорядитель и площадка – носители авторитета - специальное пространство - выделенный центр вербального взаимодействия - соблюдение конвенциональных правил поведения - акцент на эксклюзивности 	<p>Формальные чтения (программа «От Автора» Романа Либерова, вечера в университетах, например, клуб «Культурное дело» Михаила Кукина, вечера в областных библиотеках и некоторые другие)</p>	<p>Поэтический слэм («Московский поэтический слэм» Андрея Родионова)</p>
<p>Вечера подвижной структуры</p> <ul style="list-style-type: none"> - разделение на команды условно - официальная и неофициальная части разделены во времени и пространстве, но обе организованы 	<p>Вечера «Культурной инициативы» в Литературном музее, вечера в библиотеках, культурных центрах.</p>	<p>Открытые микрофоны и турниры поэтов в городах.</p>
<p>Отсутствие структуры</p> <ul style="list-style-type: none"> - нет разделения на команды (внутрикомандное взаимодействие) - присвоение пространства - нет заданной программы - наличие альтернативных гнезд вербального взаимодействия - необязательность соблюдения программы - акцент на коллективности и спонтанности 	<p>«Вечера поэтов для поэтов» (некоторые вечера группы «Культурная инициатива», вечера без организатора, квартирники, фестивальные чтения)</p>	<p>«Вечера читателей для читателей», литературные костры</p>

Формальные чтения имеют аналоги в мировой практике. Фредрик Стерн анализирует поэтические вечера в американских университетах [Stern 1991]. Специфика таких чтений в том, что они проходят на территории институции или по инициативе лица, выступающего как экспертный читатель, чьему вкусу зрители доверяют. Публику составляют читатели, которым распорядитель помогает в восприятии стихов, создавая конвенциональные правила поведения и тщательно подбирая современных поэтов, как если бы составлял антологию. На таких вечерах возможно комментирование стихов автором, в целом формат приближен к фрейму лекции и носит просветительский характер, а событием становится причастность к «живой классике».

Поэтический слэм, напротив, позиционируется как демократический институт, в котором непосредственное впечатление, производимое на зрителя – главный критерий качества. Зритель здесь в праве решать и ставить оценки, но взаимодействия зрителя и читающих авторов строго регламентируется. Запланированная спонтанность – так можно определить атмосферу слэма. Несмотря на неформальную стилистику, мероприятие тоже носит просветительский характер, воспитывая публику, готовую воспринимать поэтические тексты, и поэтов, не боящихся выступать.

Вечера антиструктуры – это «вечера поэтов для поэтов», где зритель фактически не предусмотрен (хотя и может оказаться). Критерии успешности мероприятия, в отличие от формальных чтений, не в количестве зрителей и не в их внимательности, а в тех неформальных взаимодействиях и микрособытиях, которые возникают по ходу чтений. Для понимания сути события лучше всего подходят понятия «коммунитас», «антиструктура» (В. Тернер), «антиповедения» (Б. Успенский). Такие вечера функционируют в партиципаторном режиме, режиме участия, и служат эмоциональным убежищем, поэтому в кризисные времена становятся едва ли не более многолюдными, чем в спокойные.

И, наконец, «вечера читателей для читателей», в частности, литературные костры – это мероприятия, где поэт не присутствует во плоти, но существует как идея. Литературный костер – подчеркнуто неформальное мероприятие, на котором собираются почитатели поэта. Одна из главных утилитарных целей литературного костра – установление контактов поклонников и хранителей наследия любимого автора. Характерными константами литературных собраний вокруг костров являются: 1) рассказы и новости - краткие сводки прошедших событий, связанные с проведением мероприятия и именем любимого автора; 2) чтения стихов - или автора, которому посвящен костер, или стихов, посвященных данному автору [Ханаков, Николаева, Мансуров 2002]. Отдельным жанром являются стихи, посвященные самому костру. Так, в одном из стихотворений поэта – почитателя творчества Цветаевой, используется образ «мыслящего костра», явно персонифицирующий костер, наделяющий его чертами личности. Костер как центр собрания становится особым местом, рядом с которым можно «напрямую обратиться» к любимому автору, что говорит о своеобразном поминальном характере собрания. Программа мероприятия составлена не всегда детально, в приоритете – неформальное, нерегламентированное общение. Критерием успешности литературного собрания этого типа является дух живого поэтического слова, эмоциональная связь участников события, непосредственное, по определению наших собеседников, «искреннее» общение.

Поэзия для детей – принципиально иной литературный жанр, и, как выяснилось, литературные мероприятия её авторов также носят принципиально иной характер, нежели у «взрослой» аудитории. Здесь мы имеем дело с иным порядком коммуникации авторов и публики. Стихи для детей – не объект присвоения, а развлечение и инструмент социализации. Поэт, выступающий перед детьми, примеряет на себя роль аниматора, массовика–затейника, главная задача которого – удержать внимание аудитории средствами поэзии. Детская аудитория ещё не имеет условленного представления об авторитете поэта, эти рамки задаются в ходе самого мероприятия – либо не задаются, в зависимости от целей и поведения участников. В зависимости от степени свободы автора, аудитории и ведущего данного мероприятия можно выделить два типа литературных мероприятий для детей – спонтанные и режиссированные. [Богатырёва 2022].

Илл. 10-11. Поэты на литературном вечере антиструктуры

Илл. 12-13. Выступающий и зал на формальных чтениях

Илл. 14-15. Оценка жюри и поэтесса на поэтическом слэме

Заключение

В проекте мы отталкивались от эмпирического материала и от предпосылки, что чтение поэзии имеет сложную прагматику. Коммуникативные и психотерапевтические свойства поэтического текста проявляют себя в повседневных действиях, поступках и ритуалах людей, читающих или пишущих стихи.

При анализе интервью нам удалось выявить следующие стратегии обращения поэта с его биографическим опытом:

- 1) построение биографии, когда нарратив о поэте и его произведениях неразделимы (холистическая модель)
- 2) использование опыта как материала для письма, при этом поэт производит в первую очередь текст (редукционистская модель)

Первое предполагает следующие тактики взаимодействия с читателем:

- избегание (предельная дистанция, страх взаимодействия)
- освоение (просветительская роль поэта)

Второе – тактику принятия читателя и сотрудничества с ним.

Разные типы взаимодействия с читателем находят отражение в практиках *поэтических чтений*. С некоторым приближением можно сказать, что избегание читателя приводит, с одной стороны, к вечерам «поэтов для поэтов» (предпосылка, что только поэт может разбираться в искусстве и по-настоящему понимать стихи), а с другой – холистическая модель подкрепляется почитанием культовых фигур (например, цветаевские и рубцовские костры), где стихи поэта неотделимы от его образа, и одновременно этот образ принадлежит каждому читателю. Тактики освоения выливаются в вечера просветительского характера, например, формальные чтения в университетах. Получение обратной связи от читателя происходит на слэмах, а также на вечерах подвижной структуры. Режим чтения на формальных чтениях и на слэмах – презентационный, «команды» (по И. Гофману) зрителей и выступающих четко разделены. На вечерах поэтической тусовки и на кострах – при всей разности этих событий и представлений о поэзии – есть сходство: это «внутрикомандное» взаимодействие, и важным становится не выступление как таковое, а возникающее коммунитас, что позволяет этим собраниям в некоторых случаях выполнять роль эмоционального убежища.

Людам, для которых чтение стихов – часть повседневности, свойственны *тактики присвоения*. Это касается как «наивного читателя», так и вовлеченного в современный литературный процесс. К таким тактикам относятся биографическая, метафизическая и топографическая привязка поэтических текстов, а также другие способы актуализации. Чтение функционально – и это стало особенно заметно в ситуации неопределённости, когда поэзия служила «коммуникативным клеем» для сплочения группы и источником эмоциональных матриц.

Литература

- Архипова, А.С.* Чем (не)опасна инфодемия: как и зачем исследуют фейковые сообщения и слухи во время пандемии // Фольклор и антропология города. 2020. № 1-2. С. 190–202.
- Беккер Г.* Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018.
- Богатырёва И.* Поэтический утренник // Новый мир. 2022. №3. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_3/Content/Publication6_7975/Default.aspx
- Венедиктова Т.* Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М.: НЛО, 2018.
- Гириц К.* Интерпретация культур / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Дарнтон Р.* Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. М.: НЛО, 2016.
- Дубин Б.В.* Классик — звезда — модное имя — культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель / Сост. и отв. ред. М. Ф. Надъярных, А. П. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324–330.
- Зорин А.* Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М.: НЛО, 2016.
- Изер В.* К антропологии художественной литературы // Новое литературное обозрение. 2008. № 6 (96). С. 7–21.
- Калинин И.* Время кризиса и бремя манифестов. Филология на повороте // Новое литературное обозрение. — 2012. — №. 113. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/
- Левочкин С. С., Левочкина (Югай) Е. Ф., Курьянова А. С.* Я/мы — Рубцов: повседневные практики присвоения поэзии // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 233–253
- Панченко А.* «Антропологический поворот» и «этнография науки» // НЛО. 2012. №1 (113). Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18498/
- Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // НЛО. 2012. №1 (113). Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18492/
- Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Фольклорист на чужом поле, 29–30 мая 2019, РГГУ: программа конференции Режим доступа: http://ruthenia.ru/folklore/Conferences/2019_alien_field_programme.pdf
- Форум: От поля к тексту // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 11–114.
- А.В. Ханатов, В.А. Николаева, Б.М. Мансуров.* Цветаевские костры, 1986–2002. М.: РУСАКИ, 2002.
- Югай Е. Ф., Богатырёва И. С.* «Мудрец в поэзии и дурында в жизни»: самопрезентация современного поэта в повседневности // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 239–275.
- Югай Е.Ф.* Актуализируя причитания: взгляд причитальщицы на импровизацию в конце XX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 9(42). С. 36–45.
- Югай Е.Ф.* Помянуть стихами: коммеморативная наивная поэзия // Археология русской смерти. 2016. №3. С. 39–51.
- Югай Е. Ф.* Поэтические семинары и границы профессии, которой нет // Фольклор и антропология профессий: материалы XXI Международной школы по фольклористике и культурной антропологии. М.: РАНХиГС, РГГУ, 2021. С. 34–40.
- Югай Е.Ф.* Устные рассказы об эзоповом языке в литературно-художественной среде: фольклорно-антропологический подход // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. №3(2). С.88–109.
- Holland N.* Literary Interpretation and Three Phases of Psychoanalysis // Critical Inquiry. Vol. 3. № 2 (Winter, 1976). P. 221–233.
- Peacock, J.L. and Holland, D.C.* The narrated self: Life stories in process // Ethos. 1993. Vol. 21. № 4. P.367–383.
- Stern F.* The Formal Poetry Reading // TDR. 1991. Vol. 35. № 3. P. 67–84.